

СОДЕРЖАНИЕ

Самоубийство, которого не было	12
Трагическая прогулка в лесу	31
Бдительная соседка	48
Старый, богатый, больной и... влюбленный	65
Смерть короля Альберта I	83
Он болел гастроэнтеритом	90
Героин: фабрика антигероев	106
Лестницы: убийцы в наших домах	127
Любовь и деньги правят миром	146
Смерть пришла незаметно.	169
Коктейль за пять евро, или Цена свободы.	180
Муж, жена, любовник и... торфяное болото	195
Алкоголь — соучастник преступления.	215
Мужчина, который любил женщин	230
Расчленение как пазл	249
Фемицид, или Убийства женщин	269
В качестве заключения	283

ВВЕДЕНИЕ

Судмедэкспертом случайно не становятся: это не самая обычная профессия. И если бы мне в детстве сказали, что буду работать в этой сфере, я бы очень удивился. Некоторое время я никак не решался сделать выбор между медициной и юриспруденцией и в конечном счете все же выбрал первую. Тем не менее с юриспруденцией я так и не расстался, поскольку сегодняшняя профессия изо дня в день сталкивает меня с людьми, работающими в судебных и правоохранительных органах.

По завершении обучения в университете, где мне довелось не только слушать интереснейшие лекции, но и нередко участвовать в студенческих пирушках (что было не менее увлекательно), я стал ассистентом на кафедре топографической анатомии, то есть специализировался на послойном рассечении тканей и оперативной хирургии. Я просто обожал анатомию, свидетельством чему являются отличные оценки на экзаменах. Вот поэтому меня и взяли на это место на кафедру топографической анатомии. Тогда ее возглавляла Натали Жозеф. Учившиеся у нее студенты до сих пор помнят ее профессионализм, неповторимый юмор, жизнелюбие и, главное, доброту.

Я проводил исследования в области топографической анатомии в связи с пересадкой фрагментов широчайшей мышцы спины для восстановления повре-

жденных участков тела. Эти исследования привели меня в Институт судебно-медицинской экспертизы, где находился аппарат, необходимый нам для рентгенографии мышц и их сосудов, в которые мы вводили специальное рентгеноконтрастное вещество для искусственного контрастирования сосудов и последующей оценки их состояния. Меня так заинтересовала деятельность этого учреждения, что захотелось принять участие во вскрытии. С этой целью я записался на стажировку, что было редкой удачей, так как в то время в судебной медицине стажеров практически не было. По окончании стажировки профессор Арман Андре предложил мне место ассистента, и я с удовольствием согласился, потому что уже понял: общая медицина — явно не мое.

Эта профессия стала делом всей моей жизни, и мне хочется разделить с читателями свою любовь к ней еще и потому, что в ходе многочисленных разговоров в узком кругу я понял: широкую публику очень интересует эта, не будем спорить, немного странная работа. Странная уже потому, что врачи, обычные обязанности которых заключаются в лечении живых, занимаются трупами. Нормальны ли представители этой профессии? В американских сериалах их часто показывают как старых, уродливых, физически увечных людей, страдающих старческим слабоумием. Это клише, чудовищное клише. Оно настолько чудовищное, карикатурное до такой степени, что даже его разоблачение утрачивает всякий смысл. Похоже, иногда в глазах некоторых обывателей мы выглядим именно так. Но подобные представления сейчас меняются.

ВВЕДЕНИЕ

В качестве доказательства изменений в стереотипе я могу привести то, что роль судмедэксперта в американском сериале «C.S.I.: Место преступления Майами» играет очень красивая Ханди Александер, а во французском сериале «Бальтазар» эту же роль исполнил очень столь же красивый Томер Сислей.

Прежде всего мне важно открыть читателям следы и улики — все те элементы, которые позволяют в последний раз предоставить слово мертвым и услышать то, о чем они хотят рассказать нам. Иначе говоря, не дать им унести свои тайны в могилу. Именно такое желание и помогло мне выбрать название для первой книги — **«Разговор с трупом. О самых изощренных убийствах, замаскированных под несчастные случаи»**. В ней я познакомил читателей с реальными историями из практики судебной медицины. Это поразительные, уникальные и иногда невероятные истории. Например, об оживших покойниках или о мужчине, умершем еще до того, как ему в голову его собственная дочь разрядила огнестрельное оружие, об убийстве, замаскированном под суицид, и так далее.

Моя новая книга не является продолжением первой. Мне не хотелось делать ее похожей на предыдущую, поскольку судебная медицина не сводится к одним лишь курьезным историям, даже если их действительно много. Когда к судмедэкспертам с официальным запросом обращается судья, перед нами стоит цель — определить, наступила ли смерть в результате действий другого лица и если да, то как именно.

К нам обращаются для того, чтобы узнать, вызвана ли смерть естественными причинами, или речь идет об убийстве.

Я написал новую книгу как раз для того, чтобы рассказать об этом подробнее. Так что, за исключением одной-единственной главы, я буду говорить об убийствах — мнимых или настоящих.

Каждая история основана на реальных событиях. В судебной медицине возможно все: человек от природы настолько изобретателен, что нет никакой необходимости придумывать. Разумеется, я изменил имена жертв и преступников и придал историям литературную форму, чтобы они своим стилем не напоминали протоколы вскрытия трупов. Я рассказывал их в соответствии с тем, как воспринимал их сам. Если бы я был не судмедэкспертом, а следователем, то мое повествование явно бы отличалось. Так что читателям предстоит пережить события так, как их видел я. Большинство из них произошло не менее 20 лет назад.

Все вскрытия, как и обследования трупов, о которых вы прочитаете в этой книге, проводились с уважительным отношением к телам усопших.

Зал для вскрытий не является местом для скорби — это место жизни, работы и общения судмедэкспертов с судьями, следователями и экспертами-криминалистами.

ВВЕДЕНИЕ

В ряде случаев мы знаем друг друга очень давно и говорим тогда о своих семьях, детях, коллегах и знакомых, иногда обмениваемся шутками и даже смеемся по разным поводам, но всегда при этом с уважением относимся к вскрываемому телу. По этим же соображениям — из уважения к покойному — мы всегда зашиваем тела, предварительно поместив в них органы, которые извлекали с целью анализа и изучения. Защищенное и восстановленное тело затем передается родственникам для того, чтобы они могли попрощаться с умершим надлежащим образом.

Как и в первой книге, повествование носит развлекательный и иногда даже юмористический характер. Из этого вовсе не следует, что я насмехаюсь над трупом или преступником — это невозможно по определению. Дело в том, что такая манера соответствует моему мировосприятию, и я предпочитаю смеяться над смертью в ожидании того, что однажды она улыбнется мне.

САМОУБИЙСТВО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

В тот день мне позвонил дежурный судья.

— Доктор, у меня для вас труп. По всей видимости, речь идет о самоубийстве с использованием огнестрельного оружия. Признаюсь вам, формально у меня нет необходимости направлять вас на место трагедии, и я бы этого не делал, но у меня есть некоторые сомнения.

Теперь осталась в далеком прошлом та эпоха, когда судья направлял судмедэксперта туда, где смерть имела насильственный или подозрительный характер, то есть во всех случаях, когда можно было заподозрить намеренное или ненамеренное воздействие внешнего фактора. В категорию таких смертей¹ попадают все самоубийства, потому что в любом случае присутствует воздействие внешнего фактора, обуславливающего смерть: веревка для повешенного, вода для утопленника, медицинские препараты для отравившегося

¹ Смерть делится на насильственную и ненасильственную. К первой относятся все случаи смерти, связанные с воздействием внешнего фактора. В эту категорию входят убийство, самоубийство и несчастный случай. — *Прим. Карины Рытовой.*

САМОУБИЙСТВО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

и так далее. Судмедэксперт в таких случаях должен определить, насколько это возможно, произошли суицид, несчастный случай или убийство¹.

С этой целью судмедэксперт производит внешний осмотр трупа на месте происшествия, то есть осмотр без вскрытия. Он осматривает тело и описывает наличие повреждений, следов или каких-либо признаков, которые могли бы помочь установить истину и категорию смерти. Этот осмотр происходит на месте, так как, если мы заподозрим убийство, нужно начать расследование как можно быстрее, а столь важные для следствия элементы, как следы, отпечатки пальцев и так далее, могут быть обнаружены на месте до того, как картина преступления будет кем-то изменена.

С трупом мы всегда действуем по одной схеме. Все начинается с изучения тела в том виде и положении, в которых оно было обнаружено. Затем труп надо последовательно и медленно раздеть и быть готовым к тому, чтобы остановиться сразу же после выявления подозрительных повреждений. Так, например, если на шее присутствуют следы сдавления, не связанные с повешением, то осмотр прекращается. Об этом сообщают судье, а тот вызывает сотрудников криминалистической лаборатории научной полиции для фик-

¹ Согласно законодательству РФ, этот вопрос не входит в компетенцию судебно-медицинского эксперта. Мы определяем категорию смерти, ее причину, условия, в которых она могла наступить (например, в условиях падения), а род (убийство, самоубийство или несчастный случай) определяет следствие. В других странах нормативные акты могут быть иными. — *Прим. Карины Рытовой.*

сации следов, как в детективных сериалах. Более того, высаживается целый десант работников судебных и правоохранительных органов.

/// Мы всегда готовы к тому, что наша работа мо-
/// жет существенно изменить весь дальнейший
/// ход событий.
///

Если ничего подобного не обнаружено, то с тела снимается вся одежда¹ и начинается осмотр при хорошем освещении с использованием налобного спелеологического фонаря², позволяющего отчетливо видеть все телесные повреждения. Мы действуем индуктивно: сначала нужно найти все повреждения, какие только есть, описать их и только потом интерпретировать. Такой подход в корне отличается от дедуктивного, в соответствии с которым все началось бы с проверки наличия огнестрельной раны, потом странгуляционной борозды или любых других возможных повреждений, которые обычно связаны с тем или иным вариантом насильственной смерти, — вместо того, чтобы выявить все повреждения, а затем ассоциировать их с конкретным вариантом развития событий.

¹ В РФ одежда последовательно снимается экспертом в морге перед вскрытием. Исследование трупа начинается с изучения и описания одежды. — *Прим. Карины Рытовой.*

² Мощный налобный фонарь, которым обычно пользуются спелеологи — ученые, изучающие пещеры. — *Прим. ред.*

САМОУБИЙСТВО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Что касается самого вскрытия, то его проводят, только если остаются вопросы или если повреждения кажутся необычными или вызванными действиями другого человека.

Вскрытия проводятся теперь редко¹. В Бельгии им подвергаются 0,2% всех умерших, в то время как в среднем по Европе этот показатель варьируется от 1 до 2%. Вот поэтому многие убийства так и остаются нераскрытыми. Однажды мой знакомый сотрудник министерства юстиции, пытаясь оправдать отказ своего министра помогать развитию судебной медицины, обронил следующую фразу: «Наши тюрьмы и так переполнены».

Вернемся к нашему трупу. Когда я приехал на нужную улицу, найти дом оказалось нетрудно: перед ним, как обычно, уже стояла полицейская машина. Это бедный район города, застроенный небольшими домами шахтеров. Угольные шахты, в течение многих лет дававшие работу людям, давно закрылись. Зато все еще стояли дома, построенные владельцами шахты по типовым проектам. Все строения шахтерского поселка похожи друг на друга. Славные времена добычи каменного угля, к счастью, канули в Лету. Эта экономическая деятельность изменила ландшафт, по-прежнему сохраняющий следы истории шахтерского прошлого: повсюду можно видеть небольшие искусственные холмы — так называемые терриконы².

¹ В РФ процент вскрытий высокий. — *Прим. Карины Рытовой.*

² Отвалы пустых пород, извлеченных при разработке подземных месторождений. — *Прим. ред.*